

ВСТРЕЧИ

Спой мне, спой, Прокошина,
Что луга не скошены,
Что луга не скошены,
Стежки не исхожены.
Пусть опять вспомнится
Все, что к сердцу тянется,
Пусть опять почудится
Все, что не забудется...

М. ИСАКОВСКИЙ.

Пожалуй, нет ни одной семьи в нашей стране, в которой бы не звучал ее голос — из громоздкого довоенного репродуктора, с граммофонной пластинки, наконец из транзистора и с домашнего экрана. Более полувека отдавала русской песне солистка академического хора имени Пятницкого, народная артистка СССР Александра Прокошина. Это и концертная, и педагогическая деятельность, это и непосредственное участие в жизни народных коллективов России, руководство фольклорным ансамблем «Искорка» в Кировской области, лауреатом многих премий и наград. «Искорке» в апреле исполнилось пятьдесят.

С Александрой Васильевной мы встретились во время ее очередного приезда в столицу. В просторной гостиной у окна — рояль, на стене — портрет мужа, известного военачальника.

— Вот уже почти двенадцать лет, как вы, по существу, уехали от своей семьи, от детей и внуков — руководить молодежным ансамблем «Искорка»... Что дает вам эта работа?

— Примечательно вот что. Набирая новичков, убеждаюсь, что поют — даже самые малые — что-нибудь эстрадное. Начнем заниматься — год без эстрадной музыки в программе. Как хорошего музыканта учат на классике, так и мы ребенка учим на мудрых народных песнях. Не помню, чтобы кто-нибудь ушел. Детям все у нас интересно — от костюмов до хороводов. И поют они с упо-

нием, и цель перед ними — по пасть в ансамбль.

Увлекайтесь работать. Всю песню я должна им рассказать, показать в лицах.

Конечно, устаешь. Ну, а отдых после репетиции — опять песня. Одну проиграю, другую, весь сборник — и про все забыла, грусти как не бывало. Это моя сила, вдохновение, что ли.

— Александра Васильевна, но согласитесь, зачастую перед нами на концертах выступают просто рваные какие-то, с каменными лицами, неестественными позами. Народный хор для многих стал символом чего-то невыносимо скучного, устаревшего. Молодежь не очень-то охотно слушает народные песни...

— И меня огорчает, что народная песня все дальше отодвигается от человека. Мы теряем такой клад — мудрости, такую силу, опору в жизни, красоту человеческой души. Теряем здесь — не находим в другом месте. А ведь во все времена народный хор звучал современно, откликаясь на каждое событие в жизни человека. Родился на свет — появляется песня. Выдают девушку замуж — одна за другой льются свадебные песни, где молодую называют и павушкой, и лебедушкой. Невольно делаешься лучше, добрее, если поют о тебе такие слова замечательные.

Конечно, сейчас более сильно влияние эстрадной музыки, чем, скажем, это было до войны. И все же, сужу по виденному, молодежь наша тянется к своей национальной песне. На наших концертах в Кировской области зал переполнен молодежью, каждый номер на бис. Ведь если это настоящее, народное (к сожалению, так много подделки, лубка), то в какой бы стране мы выступали, интерес у молодежи огромный. Она ведь точно чувствует, где настоящее. Идут к нам письма (у меня их целая пачка) — согласны на

СОЛИСТКА

Наша собеседница — народная артистка СССР Александра ПРОКОШИНА

любую работу, только разрешите приехать в колхоз и возьмите к себе в ансамбль.

— А как, на ваш взгляд, приблизить молодежь к народной песне?

— Очень многое зависит от пропаганды народного искусства. Вот мой колхоз, например, хозяйство могучее, богатое, технически оснащенное. Но когда я приехала, ни разу не пришла, чтобы пели как надо, чтобы привезли хороший концерт. Ездят, к сожалению, зачастую халтурщики от искусства, которых просто слушать не хочется.

Радует возникновение в последнее время студенческих фольклорных коллективов. Ребята отправляются в каникулы записывать новое или хорошо забытое старое. Немалая заслуга здесь Гнесинского института, воспитавшего ряд специалистов, влюбленных в народную песню, народную поэзию.

— Но у вас ведь были совсем другие «университеты». Петь вы, насколько известно, начали очень рано?

— С трех лет. В четыре уже носили по свадьбам, чтобы пела молодым величальную. Четырнадцать детей было в нашей семье, все в одной избе — и вышивают, и ткнут, и прядут, и все с песней. Это была моя первая школа, которую пройти ни в одном вузе невозможно. Так и росла до четырнадцати лет. Мама моя, надо сказать, пела замечательно, она-то и научила проживать судьбу своих героинь. Тогда, конечно, никто всерьез не думал, что я найду свою дорогу в искусстве.

— Александра Васильевна, вы пришли в хор Пятницкого, когда там пели большие мастера...

— Да, мне повезло. Изумительные были певцы — Матрена Рогачева, Матреша Гражданенкова, сестры Клодныны, Анна Козлова. У старых мастеров песня звучала изумительно. Ни одну нашу певицу сравнить не могу, скажем, с Грушей Ивановой, которую повторить просто невозможно. Это была изумительная чистота.

Тогда пели без нот, а садилась, кому с кем нравилось. Меня, помню, к бабке Матрене посадили (так звали Рогачеву), чтобы я у нее училась подголоскам. И научилась же она со мной! Все жаловалась — поет, мол, так, как я не умею.

Здесь, в этом талантливейшем коллективе, пошла моя вторая, уже сознательная, школа. Стремилась к грамотному пению. Композитор Владимир Захаров сам вел у нас гармонию, композицию. И другие педагоги были великолепные. Можно было бы учиться и дальше, но в консерваторию меня не отдали —

боялись, что испортят там как народную певицу.

Вообще мне везло на талантливых людей. Вот, например, филолог Казьмин, первый помощник Пятницкого. После него он и принял этот коллектив. Умнейший был человек, большой эрудит. Я жила много лет в его семье. И рядом, в одном доме — Захаров. Буквально на моих глазах он сочинял, рождались у рояля образы, мысли в этом доме, куда часто приходили Исаковский, Твардовский, Михалков. Что сочинялось — тут же разучивалось. Сейчас этого домика в бывшем Бужениновском переулке, ныне улица Россолимо, к сожалению, нет. А ведь там в свое время жил Митрофан Ефимович Пятницкий, проходили репетиции хора в 30-е годы. Этот дом так же, как и развалюха-изба, где я родилась, был просто пропитан народной поэзией! Лиры, гусли, балалайки, рожки, свирели, жалейки — все это не только по стенам висело, но и звучало. Как играл, помню, гусларь Петр! Жаль, что не было тогда совершенной записи, а только фонограф.

— Нескоро слов, Александра Васильевна, о знаменитых средах в хоре.

— Каждую среду в Бужениновском переулке собирались люди большого искусства — певцы, музыканты, композиторы, актеры, писатели. Помню Нежданову с Головановым, Москвина, Тарханова, Тарасову, Тронева, Еланскую, Шапорина. Каждая среда чему-то посвящалась. Сегодня, допустим, Художественному театру или какому-нибудь его актеру (Качалову, к примеру). Это было невозможно интересно. А после «официальной» части — чай. И песня — негромко, для души. И каждый раз уходили наши гости (а бывало их по тридцать — сорок человек) под впечатлением этого пения. Все эти замечательные люди приходили для встречи с народной песней, а напомины: хор имени Пятницкого до 1936 года был самостоятельным коллективом.

— А что, по-вашему, главное в народной песне?

— Ее глубокое содержание. Раскрыть его, взять все доброе, хорошее, ласковое, сердечное, казалось бы, простое, незамысловатое, а на поверку сложное, — наша задача. Народная песня — мудрая простота, золотая неподдельность, стремление вселить веру в слушателя. А поверит он только тогда, когда сам исполнитель поверит в события песни. Только тогда он сможет взволновать, а не произвести впечатление красивым голосом. И еще. Песню слушают сердцем. Без сердца можно мимо пройти, внимания не обратив, ничего не почерпнув.

Так тоже бывает. И горько тогда делается.

— Александра Васильевна, самая любимая песня?

— Назвать одну невозможно. Сколько раз пыталась, никак. «Пойду, взойду я на городу...» — калужская песня. Все, думаю, это мой гимн. Но тут же: «От чего этот камень зарождается...» И так далее. Из композиторских — это песни Захарова, которые он писал специально для меня. Не могу до сих пор слушать их в другом исполнении. Захаровские песни требуют особенной теплоты и простоты.

— А кто из современных исполнителей народных песен вам близок?

— Стрельченко нравится, ей, считаю, удается многое. Ведь народная песня ничего внешнего, эстрадного не терпит. Все должно быть просто, правдиво, как сама песня. А бывает так: выйдет певица, все ахнут: какой голос! А уходит, никто ее и не вспомнит. А когда говорят: «Она мне всю душу вывернула», значит, действительно от сердца песня лилась. Этому научить трудно, но можно. И даже в самодельности. Вот выходит певица на сцену: румянец во всю щеку, волнуется, переживает. Любое вдохновение очень красиво. И это большое счастье.

— А какой день самый счастливый был?

— Честно говоря, не знаю. Много радости было. Может, когда попала в хор. Может, первое выступление на сцене — это было буквально на третий день моего приезда в Москву. Может, когда впервые услышала по радио свой голос. Может, когда замуж вышла? Не знаю.

И огорчения были, вы про них спросите. После концерта почти никогда не была довольна собой, хоть Захаров и похвалит: «Ты, Шуретка, молодец». Нет, думаю, тут не так-то, здесь надо так-то. Вот сейчас — и знание, и опыт, да голос не тот уже.

Много дней счастливых было. Я ведь праздников не помню — все торопиться, как бы успеть подготовить программу для того или иного коллектива, как бы не подвести. А вот недавно хороший день был, когда Воронежскому народному хору присвоили звание академического.

Боролась за это почти год, до министра дошли. Поддержать надо было этот замечательный коллектив. Кстати сказать, он принимал участие в фильме «Певучая Россия», посвященном Митрофану Пятницкому, — фильме, на мой взгляд, очень нужном и своевременном.

Ну и самое последнее — день, когда ты не сделал ничего доброго, разве может быть счастливым?

Беседу вела
Н. БОБРОВА.

НА СНИМКЕ: А. В. ПРОКОШИНА с внучкой Леной.

Фото М. РУДНИКОВА.